

А и старый казак он, Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
«Да ай же, мои братица крестовые,
Крестовые-то братица названные,
А молодой Михайло Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А едь-ко ты, Добрыня, за синё морё,
Кори-тко ты языки там неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тии ко корбы ко темным,
Ко тии ко грязи ко черным,
Кори ты там языки всё неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А я-то ведь, старик, да постарше вас,
Поеду я во далечо ещё во чисто поле,
Корить-то я языки там неверные,
Стану прибавлять земельки святорусские».
Как тут-то молодцы да поразъехались.
Добрынюшка уехал за сине море,
Михайло, он уехал ко корбы ко темным,
А ко тии ко грязи ко черным,
К царю он к Вахрамею к Вахрамееву.
Ильюшенька уехал во чисто поле

Корить-то там языки всё неверные,
А прибавлять земельки святорусские.
Приехал тут Михайло, сын Иванов он,
А на тоё на далечо на чисто полё,
Раздернул тут Михайлушка свой бел шатер,
А бел шатер ещё белополотняный.
Тут-то он, Михайлушка, раздумался:
«Не честь-то мне хвала молодецкая
Ехать молодцу мне-ка томному,
А томному молодцу мне, голодному;
А лучше, молодец, я поем-попью».
Как тут-то ведь Михайло сын Иванович
Поел, попил Михайлушка, покушал он,
Сам он, молодец, тут да спать-то лег.
Как у того царя Вахрамея Вахрамеева
А была-жила там да любезна дочь,
А тая-эта Марья – лебедь белая.
Взимала она трубоньку подзорную,
Выходит что на выходы высокие,
А смотрит как во трубоньку подзорную
Во далече она во чисто поле;
Углядела-усмотрела во чистом поли:
Стоит-то там шатер белополотняный,
Стоит там шатер, еще смахнется,

Стоит шатер там, еще размахнется,
Стоит шатер, ещё ведь уж сойдется,
Стоит шатер, там еще разойдется.
Как смотрит эта Марья – лебедь белая,
А смотрит что она, ещё думу думает:
«А это есте zde да русский богатырь же».
Как бросила тут трубоньку подзорную,
Приходит тут ко родному ко батюшку:
«Да ай же ты, да мой родной батюшка,
А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!
А дал ты мне прощенья-благословленьица
Летать-то мне по тихиим заводям,
А по тым по зеленыим по затресьям
А белой лебедью три году.
А там я налеталась, нагулялася,
Еще ведь я наволевалася
По тым по тихиим по заводям,
А по тым по зеленыим по затресьям.
А нунчу ведь ты да позволь-ка мне,
А друго ты мне-ка три году,
Ходить-гулять-то во далечем мни во чистом поли,
А красной мне гулять ещё девушкой».
Как он опять на то ей ответ держит:
«Да ах же ты, да Марья – лебедь белая,

Ай же ты, да дочка та царская мудреная!
Когда плавала по тихиим по заводям,
По тым по зеленыим по затресьям,
А белой ты лебедушкой три году,
Ходи же ты, гуляй красной девушкой
А друго-то ещё три да три году,
А тожно тут я тебя замуж отдам».
Как тут она ещё поворотилася,
Батюшке она да поклонилася.
Как батюшка да дает ей нянек-мамок тых,
Ах тых ли, этих верных служаночек.
Как тут она пошла, красна девушка,
Во далече она во чисто поле
Скорым-скоро, скоро да скорешенько;
Не могут за ней там гнаться няньки ты,
Не могут за ней гнаться служаночки.
Как смотрит тут она, красна девушка,
А няньки эти все да оставаются,
Как говорит она тут таково слово:
«Да ай же вы, мои ли вы нянюшки!
А вы назад теперь воротитесь-ко,
Не нагоняться вам со мной, красной девушкой».
Как нянюшки ведь ей поклонилися,
Назад оны обратно воротилися.

Как эта тут Марья – лебедь белая,
Выходит она ко белу шатру.
Как у того шатра белополотняна
Стоит-то тут увидел ю добрый конь,
Как начал ржать да еще копьём-то мять
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать-землюшка продрагивать.
Как это сну богатырь пробуждается,
На улицу он сам пометается,
Выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов,
В тонкой белой рубашке без пояса.
Смотрит тут Михайло на вси стороны,
А никого он не наглядел тут был.
Как говорит коню таково слово:
«Да эй ты, волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржешь ты да копьём-то мнешь
А вот тую во матушку сыру землю.
Тревожишь ты русского богатыря?»
Как взглянет на другую шатра еще другу сторону,
Ажно там-то ведь стоит красна девушка.
Как тут-то он, Михайлушка, подскакивал,
А хочет целовать, миловать-то ю,
Как тут она ему вопроговорит:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!

Не знаю я тебе да ни имени,
Не знаю я тебе ни изотчины.
А царь ли ты есте, ли царевич был,
Король ли ты, да королевич есть?
Только знаю, да ты русский-то богатырь здесь.
А не целуй меня, красной девушки:
А у меня уста были поганые,
А есть-то ведь уж веры я не вашии,
Не вашей-то ведь веры есть, поганая.
А лучше-то возьми ты меня к себе еще,
Ты возьми, сади на добра коня,
А ты вези меня да во Киев-град,
А проводи во веру во крещеную,
А тожно ты возьми-тко меня за себя замуж».
Как тут-то ведь Михайло сын Иванов был;
Садил он-то к себе на добра коня,
Повез-то ведь уж ю тут во Киев-град.
А привозил Михайлушка во Киев-град,
А проводил во веру во крещеную,
А приняли оны тут златы венцы.
Как клали оны заповедь великую:
Который-то у их да наперед умрет,
Тому идти во матушку сыру землю на три году
С тым со телом со мертвым.

Ино оны ведь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Как стали-то они детей наживать.
Да тут затым князь тот стольнокиевский,
Как сделал он, задернул свой почестный пир
Для князей, бояр да для киевских,
А для русийских всех могучиих богатырей.
Как вси-то оны на пир собираются,
А вси тут на пиру наедаются,
А вси тут на пиру напиваются,
Стали вси оны там пьянешеньки,
А стали вси оны веселешеньки;
Стало красно солнышко при вечере,
Да почестный пир, братцы, при веселе.
Как тут-то ведь не ясные соколы
Во чистом поле ещё разлетались,
Так русийские могучие богатыри
В одно место съезжались
А на тот-то на почестный пир.
Ильюшенька приехал из чиста поля,
Хвастает Ильюшенька, спроговорит:
«А был-то я ещё во чистом поли,
Корил-то я языки всё неверные,
А прибавлял земельки святорусские».

Как хвастает-то тут Добрынюшка:
«А был-то я за славным за синим морем,
Корил там я языки всё неверные,
А прибавлял земельки святорусские».
Как ино что Михайлушке да чим будет повыхвастать?
Сидит-то тут Михайло, думу думает:
«Как я, у меня, у молодца
Получена столькоки есть молода жена.
Безумный-от как хвастат молодой женой,
А умный-от как хвастат старой матушкой».
Как тут-то он, Михайлушка, повыдумал:
«Как был-то я у корбы у темный,
А у тьи у грязи я у черный,
А у того царя я Вахрамея Вахрамеева.
Корил-то я языкушки неверные,
А прибавлял земельки святорусские.
Еще-то я с царем там во другиих,
Играл-то я во доски там во шахматны,
А в дороги тавлеи золоченые;
Как я у его ещё там повыйиграл
Бессчетной-то еще-то золотой казны,
А сорок-то телег я ордынских;
Повез-то я казну да во Киев-град,
Как отвозил я то на чисто поле,

Как оси-ты тележные железны подломилися;

Копал-то тут я погребы глубокие,

Спустил казну во погребы глубокие».

На ту пору еще, на то времячко

Из Киева тут дань попросилася

К царю тут к Вахрамею к Вахрамееву,

За двенадцать лет, за прошлые годы, что за нунешний.

Как князи тут-то киевски, все бояра,

А тот ли этот князь стольнокиевский

Как говорит-промолвит таково слово:

«Да ей же вы, бояра вы мои всё киевски,

Русийски всё могучие богатыри!

Когда нунь у Михайлушки казна ещё повыиграна

С царя с Вахрамея Вахрамеева, -

Да нунечку ещё да теперечку

Из Киева нунь дань поспросилася

Царю тут Вахрамею Вахрамееву, -

Пошлем-то мы его да туды-ка-ва

Отдать назад бессчетна золота казна,

А за двенадцать лет за прошлые годы, что за нунешний».

Накинули тут службу великую

А на того Михайлу на Потыка

Вси князи тут, бояра киевски,

Все российские могучие богатыри.

Как тут-то ведь Михайло отряжается,
Как тут-то он, Михайло, снаряжается
Опять назад ко корбы ко темным,
А ко тьи ко грязи ко черным,
К царю он к Вахрамею Вахрамееву.
А ехал он туды да три месяца.
Как приезжал он тут во царство то,
К царю он к Вахрамею Вахрамееву;
А заезжал на его да на широк двор,
А становил он добра коня ведь середь широка двора
К тому столбу ко точеному,
А привязал к кольцу к золоченому,
Насыпал коню он пшены белояровой.
Сам он шел тут по новым сеням,
А заходил в палату во царскую
К царю он к Вахрамею Вахрамееву.
Как скоро он, Михайлушка, доклад держал,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамею в особину:
«Здравствуй, царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!» -
«Ах, здравствуй-ко, удалый добрый молодец!
Не знаю я тебе да ни имени,
Не знаю я тебе ни изотчины.

А царь ли ты ведь есть, ли царевич zde,
Ай король, ли ты королевич есть,
Али с тиха Дону ты донской казак,
Аль грозный есть посол ляховитский,
Аль старый казак ты Илья Муромец?»
Как говорит Михайло таково слово:
«Не царь-то ведь уж я, не царевич есть,
А не король-то я, не королевич есть,
Не из тиха Дону не донской казак,
Не грозный я посол ляховитский был,
Не старый я казак Илья Муромец, -
А есть-то я из города из Киева
Молодой Михайло Потык сын Иванович». -
«Зачим же ты, Михайло, заезжал сюда?» –
«Зашел-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич,
А я слышал – скажут, ты охвоч играть
Да в доски-ты шахматны,
А в дороги тавлеи золоченыя,
А я-то ведь ещё уж также бы.
Поиграем-ка во доски мы шахматны,
В дороги тавлеи золоченые.
Да ах же ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!
Насыпь-ко ты да бессчетной золотой казны

А сорок-то телег да ордынских».
Как ино тут Михайлушка спроговорит:
«Ах ты, царь же Вахрамей Вахрамеевич!
А бью я о головке молодецкии:
Как я тебе буду служить да слугою верною
А сорок-то годов тебе с годичком
За сорок-то телег за ордынских».
Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
Охвоч играть во доски-ты шахматны,
А в дороги тавлеи золоченыя,
Всякого-то ведь он да поиграл,
Как тут-то себе да ведь думает:
А наб мне молодца да повыиграть.
Как тут они наставили дощечку ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить-гулять.
А тут Михайлушка ступень ступил – не достигнул,
А другой как ступил, сам призаступил,
А третий что ступил, его поиграл,
А выиграл бессчетну золоту казну -
А сорок-то телег тех ордынских.
Говорит-промолвит таково слово:
«Да ах ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!
Теперечку еще было нунечку
Дань из города из Киева спросилася;

Тебе-то ведь нунь она назад пойдет,
Как эта бессчетна золота казна,
А за двенадцать год – за прошлые что годы, что
за нунешний, Назад то ведь тут дань поворотилася».

Как тут-то ведь царю да Вахрамею Вахрамееву

А стало зарко есть, раззадорило,
Стало жаль бессчетной золотой казны.

Как говорит Михайле таково слово:

«А молодой Михайло Потык сын Иванович!

А поиграем ещё со мной ты другой-от раз.

Насыплю я бессчетной золотой казны,

А сорок я телег да ордынских,

А ты-то мне служить да слугой будь верною

А сорок-то годов еще с годичком».

Как бьет опять Михайлушка о своей головке молодецкии.

Наставили тут доску-то шахматну,

Как начали они тут ходить-гулять

По той дощечке по шахматной.

Как тут Михайлушка ступень ступил – не достигил,

А другой ступил, сам призаступил,

А третий-то ступил, его и поиграл,

Как выиграл бессчетной золотой казны -

Сорок-то телег да ордынских.

Как тут-то ведь царь Вахрамей Вахрамеевич,

Воспроговорит опять он таково слово:
«Молодой Михайле Потык сын Иванович!
Сыграем-ко мы ещё остатний раз
В тии во дощечки во шахматные.
Как я-то ведь уж, царь Вахрамей Вахрамеевич,
Я бью с тобой, Михайло сын Иванович,
А о тоем, о том велик залог:
А буду я платить дань во Киев-град,
А за тых двенадцать лет – за прошлые что годы, что за
нунешний,
А сорок я телег да ордынских;
А ты бей-ко головки молодецкии:
Служить-то мне слугой да верною,
А будь ты мне служить да до смерти-то».
Как тут-то он, Михайлушка,
А бьет-то он о головке молодецкии,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатний раз наставили дощечку тут шахматну.
А и тут Михайлушка ступень ступил – не достигил,
А другой-то ступил, сам призаступил,
А третий как ступил, его и поиграл,
Выиграл бессчетну золоту казну:
А дань платить во Киев-град великую.
На ту пору было, на то времячко

А налетел тут голубь на окошечко,
Садился-то тут голубь со голубкою,
Начал по окошечку похаживать,
А начал он затым выговаривать
А тым, а тым языком человеческим:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Ты играешь, молодец, прохлаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь:
Твоя-то есть ведь молода жена,
А тая-то ведь Марья – лебедь белая, преставилась».
Скочил тут как Михайло на резвы ноги,
Хватил он эту доску тут шахматну,
Как бросил эту доску о кирпичный мост
А во палаты тут во царские.
А терема вси тут пошаталися,
Хрустальные оконницы посыпались,
Да князи тут, бояра все мертвы лежат,
А царь тот Вахрамей Вахрамеевич,
А ходит-то ведь он раскорякою.
Как сам он говорит таково слово:
«А молодой Михайло Потык сын Иванович!
Оставь ты мне бояр хоть на семена,
Не стукай-ко доской ты во кирпичный мост».
Как говорит Михайло таково слово:

«Ах же ты царь, Вахрамей Вахрамеевич был!
А скоро же ты вези-тко бессчетну золоту казну
Во стольнёй-от город да во Киев-град».
Как скоро сам бежал на широкий двор,
Как ино ведь седлат он своего добра коня,
Седлат, сам приговариват:
«Да ах же ты, мой-то ведь уж добрый конь!
А нёс-то ты сюды меня три месяца,
Неси-тко нунь домой меня во три часу».
Приправливал Михайлушка добра коня.
Пошел он, поскакал его добрый конь
Реки-то, озера перескакивать,
А темный-от лес промеж ног пустил;
Пришел он, прискакал да во Киев-град,
Пришел он, прискакал ведь уж в три часу.
Расседывал коня тут, разуздывал,
А насыпал пшены белояровой,
А скоро сам бежал он на выходы высокие,
Закричал Михайло во всю голову:
«Да ай же мои братьица крестовые,
Крестовые вы братьица, названные,
Ай старый казак ты, Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич!
А подьте-ко вы к брату крестовому

А на тую на думушку великую».
Как тут-то ведь уж братьица справлялися,
Тут-то оны удалы снаряжались,
Приходят оны к брату крестовому,
К молоду Михайле да к Потыку:
«Ай же брат крестовый, наш названыи!
А ты чего же кричишь, нас тревожишь ты,
Русийских могучих нас богатырёв?»
Как он на то ведь им ответ держит:
«Да ай же, мои братьица крестовые,
Крестовые вы братьица, названные!
Стройте вы колоду белодубову:
Идти-то мне во матушку во сыру землю
А со тыим со телом со мертвым,
Идти-то мне туды да на три году, -
Чтобы можно класть-то хлеба-соли, воды да туда-ка-ва,
Чтобы было там мни на три году запасу-то».
Как этии тут братьица крестовые
Скорым-скоро, скоро да скорешенько
Как строили колоду белодубову.
Как тот-этот Михайло сын Иванов был,
Как скоро сам бежал он во кузницу,
Сковал там он трои-ты клеща-ты,
А трои прутья еще да железные,

А трои еще прутья оловянные,
А третьи напослед еще медные.
Как заходил в колоду белодубову
А со тыим со телом со мертвым.
Как братица крестовы тут названные,
Да набили они обручи железные
На тую колоду белодубову.
А это тут ведь дело не деется
А во тую во субботу во христовскую;
Как тут это старый казак и да Илья Муромец
Молодой Добрынюшка Никитинич,
А братья что крестовые, названные,
Копали погреб тут оны глубокии,
Спустили их во матушку во сыру землю,
Зарыли-то их в желты пески.
Как там была змея подземельная,
Ходила там змея по подземелью.
Приходит ко той колоде белодубовой;
Как раз она, змея, тут да дернула,
А обручи на колоде тут лопнули;
Другой-то раз ещё она и дернула,
А ряд-то она тесу тут сдернула
А со тыи колоды белодубовой.
Как тут-то ведь Михайле не дойдет сидеть,

А скоро как скочил он тут на ноги,
Хватил-то он тут клещи железные.
Как эта змея тут подземельная,
Третий еще раз она дернула,
Остатний-то ряд она сдернула.
Как тут Михайло с женой споказалися,
Да тут тая змея зрадовалася:
«А буду-то я нунчу сытая,
Сытая змея, не голодная!
Одно есте тело да мертвое,
Друга жива головка человеческа».
Как скоро тут Михайло сын Иванович
Захватил змею ю во клещи-то,
Хватил он тут-то прутья железные,
А почал бить поганую ю в одноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется;
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А принесу я ти живу воду да в три году».
Как бьет-то змею в одноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А я принесу я-то живу воду да в два году». -

«Да нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

Как бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

Принесу-то я тебе живу воду в один-то год».

А расхлыстал он прутья-то железные

О тую змею о проклятую,

Хватил он тут-то прутья оловянные,

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

Принесу тебе живу воду я в полгода». -

«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

А принесу живу воду в три месяца». -

«А нет-то мне, поганая, всё долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А принесу живу воду в два месяца». -
«А нет-то мне, поганая, всё долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.
А расхлыстал он прутья оловянные,
Хватил-то он прутья да медные,
А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А принесу я ти живу воду, а в месяц-то». -
«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
Принесу я ти живу воду в неделю-то». -
«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.
Молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
А принесу я те живу воду в три-то дни». -
«А нет, мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Принесу я ти живу воду в два-то дни». -
«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».
А бьет-то он змею в одноконечную.
Молится змея тут, поклоняется,
А говорит змея да таково слово:
«А принесу живу воду в один-то день». -
«А нет, мне, окаянна, всё так долго ждать».
Как бьет-то он змею в одноконечную.
А молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей больше змеи, не кровавь меня,
Принесу я те живу воду в три часу».
Как отпускал Михайло сын Иванов был,
Как эту змею он поганую,
Как взял в заклад себи змеенышов,
Не пустил их со змеей со поганою.
Полетела та змея по подземелью,
Принесла она живу воду в три часу.
Как скоро тут Михайло сын Иванов был,
Взял он тут да ведь змееныша:
Ступил-то он змеенышу на ногу,
А как раздернул-то змееныша надвое,

Приклял-то ведь по-старому в одно место,
Помазал-то живой водой змееныша,
Как сросся-то змееныш, стал по-старому;
А в других помазал – шевелился он,
А в третьих-то сбрызнул – побежал-то как,
Как говорит Михайло таково слово:
«Ай же ты, змея да поганая!
Клади же ты да заповедь великую,
Чтобы те не ходить по подземелью,
А не съедать-то бы тел ти мертвых».
Как клала она заповедь, поганая, великую:
А не ходить больше по подземелью,
А не съедать бы тел да ведь мертвых.
Спустил-то он поганую, не ранил ли.
Как скоро тут Михайло сын Иванов был,
Сбрызнул эту Марью – лебедь белую
Живой водой да ю да ведь этою,
Как тут она еще да ведь вздрогнула;
Как другой раз сбрызнул, она сидя села-то;
А в третьих-то он сбрызнул, она повыстала;
А дал воды-то в рот, она заговорила-то:
«Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!
А долго-то я нунечу спала-то». -
«Кабы не я, так ты ведь век бы спала-то,

А ты ведь да Марья – лебедь белая».
Как тут-то ведь Михайлушка раздумался,
А как бы им повыйти со сырой земли.
Как думал-то Михайлушка, удумал он,
А закричал Михайло во всю голову.
Как это дело-то ведь деется,
Выходит что народ тут от заутренки христосския
На тую на буювку да на ту сырую землю.
Как ино ведь народ еще приуслыхались
А что это за чудо за диво есть,
Мертвые в земле закричали все?
Как этии тут братица крестовые,
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
В одно место оны сходилися,
Сами тут оны ведь уж думу думают:
«А видно, наш есть братец был крестовый,
А стало душно-то ему во матушке сырой земли,
А со тыим со телом со мертвым,
А он кричит ведь там громким голосом».
Как скоро взимали лопаты железные,
Бежали тут оны да на яму ту,
Разрыли как оны тут желты пески, -
Ажно там оны да обы живы.

Как тут выходил Михайло из матушки сырой земли,
Скоро он тут с братцами христоскался.
Как начал тут Михайлушка жить да быть,
Тут пошла ведь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенным,
Как есть-то есте Марья – лебедь белая,
Лебедушка там белая, дочь царская,
А царская там дочка мудреная,
Мудрена она дочка, бессмертная.
Как на эту на славушку великую
Приезжает тут этот прекрасный царь
Иван Окульевич А со своей со силою великою
А на тот-то да на Киев-град,
Как на ту пору было, на то времячко
Богатырей тут дома не случилось,
Стольки тут дома да случился
Молодой Михайло Потык сын Иванович.
Как тут-то ведь Михайлушка сряжается,
А тут-то ведь Михайло снаряжается
Во далече еще во чисто поле
А драться с той со силою великою.
Подъехал тут Михайло сын Иванов был,
Прибил он эту и силу всю в три часу,
Воротился тут, Михайлушка, домой он во Киев-град,

Да тут-то ведь, Михайлушка, он спать-то лег.

Как спит он, молодец, прохлаждается,

А над собой незгодушки не ведает.

Опять-то приезжает тот прекрасный царь

Иван Окулевич,

Больше того он со силой с войском был,

А во тот-то, во тот да во Киев-град.

А начал он тут Марьюшку подсватывать,

А начал он тут Марью подговаривать:

«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!

А ты поди-ка, Марья, за меня замуж,

А за царя ты за Ивана за Окулева».

Как начал улещать ю, уговаривать:

«А ты поди, поди за меня замуж,

А будешь слыть за мной ты царицею,

А за Михайлом будешь слыть не царицею,

А будешь-станешь слыть портомойница

У стольного у князя у Владимира».

Как тут она еще да подумала:

«А что-то мне-ка слыть портомойница?

Лучше буде слыть мне царицею

А за тем за Иваном за Окулевым».

Как ино тут она ещё на то укидалася,

Позвалась, пошла за его замуж.

Как спит-то тут Михайло прохлаждается,
А ничего Михайлушка не ведает.
А тут-то есть его молода жена,
А тая-то ведь было любима семья,
А еще она, Марья – лебедь белая,
Замуж пошла за прекрасного царя-то за Окульева,
Поехал тут-то царь в свою сторону.
Как это сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайло Потык сын Иванович,
Как тут-то его братица приехали,
Старый казак да Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич.
Как начал он у их тут доспрашивать,
Начал он у их тут доведывать:
«Да ай же мои братица крестовые,
Крестовые вы братица названные!
А где-то есть моя молода жена,
А тая-то ведь Марья – лебедь белая?»
Как тут ему оны воспроговорят:
«Как слышали от князя от Владимира,
Твоя-то там есте молода жена,
Она была ведь нынечку замуж пошла
А за царя-то за Ивана за Окульева».
Как он на то ведь им ответ держит:

«Ай же мои братица крестовые!
Пойдемте мы, братица, за им след с угоною».
Говорят ему таково слово:
«Да ай же ты, наш братец крестовый был!
Не честь-то нам хвала, молодцам,
А ехать за чужой женой ещё след с угоною.
Кабы ехать нам-то ведь уж след тебя,
Дак ехали бы мы след с угоною.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
А едь-ко, ничего да не спрашивай;
А застанешь ты ведь их на чистом поли,
А отсеки ты там царю да головушку».
Поехал тут Михайло след с угоною,
Застал-то ведь уж их на чистом поли.
Как этая тут Марья – лебедь белая
Увидала тут Михайлушка Потыка,
Как тут скоро наливала питей она,
А питей наливала да сонных.
Подходит тут к Михайле да к Потыку:
«Ах молод-то ты, Михайло Потык сын Иванович!
Меня силом везет да прекрасный царь
Иван Окулевич,
Как выпей-ко ты чару зелена вина
С тоски-досады со великии».

Как тут этот Михайло сын Иванович,
Выпивал он чару зелена вина,
А по другой да тут душа горит;
Другую-то он выпил, да ведь третью вслед.
Напился тут, Михайло, он допьяна,
Пал-то на матушку на сыру землю.
Как этая тут Марья – лебедь белая
А говорит Ивану таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А отсеки Михайле ты головушку».
Как говорит Иван тут таково слово:
«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая
А сонного-то бить, что мне мертвого.
А лучше он проспится, протверезится,
Дак буду я бить-то его силою,
Силою, я войском великим:
А будет молодцу мне честь-хвала».
Как тут она ещё да скорым-скоро,
Приказала-то слугам она верным
А выкопать что яму глубокую.
Как слуги ей тут да верные,
Копали они яму глубокую,
Взимала тут Михайлу под пазухи,

Как бросила Михайла во сыру землю,
А приказала-то зарыть его в песочки желтые.

Как ино тут вперед оны поехали,
Оставался тут Михайло на чистом поли.
Как тут-то у Михайлы ведь добрый конь

А побежал ко городу ко Киеву,
А прибегал тут конь да во Киев-град,
А начал он тут бегать да по Киеву.

Увидали-то как братья тут крестовые,
Молодой Добрынюшка Никитинич
А старый казак тут Илья Муромец,
Сами как говорят промежду собой:

«А нет жива-то братца же крестового,
Крестового-то братца, названого,
Молода Михайлушки Потыка».

Садись тут оны на добрых коней,
Поехали они след с угоною.

А едут тут оны по чисту поли,
Михайлин еще конь наперед бежит.

А прибегал на яму на глубокую,
Как начал тут он ржать да копьём-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.

Как смотрят эти братица крестовые:
«А видно этта братец наш крестовый был,

А молодой Михайло Потык сын Иванович»,
Как тут-то ведь они да скорым-скоро
Копали эту яму глубокую.

А он-то там проспался, прохмелился, протверезился,
Скочил-то тут Михайло на резвы ноги,

Как говорит Михайло таково слово:

«Ай же мои братьица крестовые!

А где-то есте Марья – лебедь белая?»

Говорят тут братья таково слово:

«А тая-та ведь Марья – лебедь белая,

Она-то ведь уж нунечку замуж пошла

А за прекрасного царя да за Окульева». -

«Поедемте мы, братьица, с угоною».

Как говорят оны тут таково слово:

«Не честь-то нам хвала молодецкая

А ехать нам за бабой след с угоною,

А стыдно нам будет да похабно е.

А едь-ко ты один, добрый молодец,

Застанешь-то ведь их ты на чистом поли,

А ничего больше ты не следуй-ко,

А отсеки царю ты буйну голову,

Возьми к себе ты Марью – лебедь белую».

Как тут-то он, Михайлушка, справляется,

Как скоро след с угоной снаряжается,

Застал-то их опять на чистом поли,
А у тех расстанок у крестовских,
А у того креста Леванидова.

Увидала тая Марья – лебедь белая Молода Михайлу тут
Потыка,

Как говорит она таково слово:

«Ай же ты, прекрасный царь, Иван Окульев ты!

А не отсек Михайле буйной головы,
А отсекает Михайло ти головушку».

Как тут она опять скорым-скоро
А налила питей ещё сонных,
Подносит-то Михайлушке Потыку,

Подносит, сама уговариват:

«А как меженный день не может жив-то быть,
Не может жив-то быть да без красного солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайло Потык сын Иванович,

А не могу-то я ни есть, ни пить,

Ни есть, ни пить, не могу больше жива быть
А без тебя, молодой Михайло Потык сын Иванович!

А выпей-ка с тоски, нунь с кручинушки,
А выпей-ка ты чару зелена вина».

Как тут-то ведь Михайлушка на то да укидается,

А выпил-то он чару зелена вина,
А выпил – по другой душа горит;

А третью-то он выпил, сам пьян-то стал,
А пал на матушку на сыру землю.
Как тая-эта Марья – лебедь белая
А говорит-промолвит таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А отсеки Михайле буйну голову:
Полно тут Михайле след гоняться».
А говорит тут он таково слово:
«Ай же ты, Марья – лебедь белая!
А сонного-то бить, что мне мертвого.
А пусть-ко он проспится, прохмелится, протверезится,
А буду ведь я его бить войском-то,
А рат-то я ведь силушкой великою».
Она ему на то ответ держит:
«Прибьет-то ведь силу-ту великую».
Опять-то царь на то не слагается,
А поезжат-то царь да вперед опять.
Как этая тут Марья – лебедь белая
Взимала тут Михайлушку Потыка,
Как бросила Михайлу через плечо,
А бросила, сама выговаривать:
«А где-то был удалый добрый молодец,
А стань-то бел горячий камешек,
А этот камешек пролежи да на верх земли три году,

А через три году пройди-ка он скрозь матушку, скрозь сыру
землю».

Поехали оны тут вперед опять,
А приезжали в эту землю Сарацинскую.

Как познали тут братьица крестовые,
Старый казак тут Илья Муромец
А молодой Добрынюшка Никитинич,
А не видать что братца есть крестового,

Молода Михайлы Потыка Иванова,
Сами тут говорят промежу собой:
«А наб искать-то братца нам крестового,
А молода Михайлу Потыка Иванова»,
Как справились они тут каликами,
Идут они путем да дорожкой.

Выходит старичок со сторонущи:
«А здравствуйте-тко, братцы, добры молодцы,

А старьи казак ты Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич!»
А он-то их знает, да оны не знают, кто:

«А здравствуй-ка ты еще, дедушка». -
«А Бог вам на пути, добрым молодцам.

А возьте-ка вы, братцы, во товарищи,
Во товарищи вы возьте, в атаманы вы».

Как тут-то оны ведь думу думают,

Сами-то говорят промежу собой:
«Какой-то есть товарищ ещё нам-то был,
А где ему да гнаться за нами-то!..
А рады мы ведь, дедушка, товарищу».
Пошел рядом с нима тут дедушка,
Пошел рядом, еще наперед-то их.
А стали как оны оставляться бы,
Едва-то старичка на виду его держат-то.
Как тут пришли в землю Сарацинскую,
К прекрасному к царю да к Ивану Окульеву,
Ко тии ко Марье Вахрамеевной,
Как стали тут оны да рядом еще,
Закричали тут оны во всю голову:
«Ах же ты, да Марья – лебедь белая,
Прекрасный ты царь Иван Окульев был!
А дайте нам злату милостыню спасеную.
Как тут-то в земли Сарацинский
Теремы во царствии пошатались,
Хрустальные оконницы посыпались
А от того от крику от каличьего.
Как тут она в окошко по поясу бросалася,
А этая-то Марья – лебедь белая,
А смотреть-то калик что перехожиих.
А смотрит, что сама воспроговорит:

«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А это не калики, есте русские богатыри:
Старый казак Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитич-он,
А третий, я не знаю, какой-то е.
Возьми калик к себи, ты корми, пои».
Взимали тут калик да к себе оны
А во тую палату во царскую,
Кормили-то, поили калик оны досыта.
А досыта кормили их да допьяна,
А надали им злата тут, серебра,
Насыпали-то им да по подсумку.
Как тут оны пошли назад еще, добры молодцы,
К стольному ко городу ко Киеву.
А отошли от царства ровно три версты,
Забыли они братца что крестового,
А молода Михайлу Потыка Иванова.
Как пошли они, затым вспомнили:
«Зачим-то мы пошли, а не то сделали,
Забыли-то мы братца-то крестового,
Молода Михайлу Потыка Иванова».
Как тут скоро назад ворочались,
Сами тут говорят таково слово:
«Ай же ты, да Марья – лебедь белая!

Куда девала ты да братца-то крестового,
А молода Михайлушку Потыка?»
Как тут она по поясу в окошко-то бросалася,
Отвечат-то им таково слово
«А ваш-то есте братец крестовыйи -
Лежит он у расстанок у крестовскихх,
А у того креста Леванидова,
А белым горючим камешком».
Как тут оны поклонились, воротились,
Как тут пошли путем да дорогою;
Смотрят, ищут братца-то крестового,
Проходят оны братца тут крестового;
Как этая калика перехожая
А говорит тут им таково слово:
«Ай же вы, да братья всё крестовые!
Прошли да вы что братца есть крестового,
А молода Михайлу Потыка Иванова».
Как тут-то воротился старичок тот был,
Приводит этих братьицев крестовыхх
К тому горючему ко камешку,
Да говорит тут старичок таково слово;
«А скидывайте-ка вы, братцы, с плеч подсумки,
А кладьте вы еще на сыру землю,
А высыпайте вы да злато-серебро,

А сыпьте-тко все вы в одно место».
Как высыпали злато они, серебро
А со тых, со тых да со подсумков,
А сыпали оны тут в одно место.
Как начал старичок тут живота делить:
Делит он на четыре на части бы.
Как тут-то говорят они таково слово:
«Ай же ты, да дедушко древний был!
А что же ты живот делишь не ладно бы,
А на четыре-то части не ровно-то бы?»
Как говорит старик тут таково слово:
«А кто-то этот здынет да камешек,
А кинет этот камень через плечо,
Тому две кучи да злата, серебра».
А посылат Ильюшенька Добрынюшку
А приздынуть тут камешек горючий.
Скочил-то тут Добрынюшка Никитич-он,
Хватил он этот камень, здынул его,
Здынул-то столько до колен-то он,
А больше-то Добрынюшка не мог здынуть,
А бросил этот камень на сыру землю.
Подскакивал ведь тут Илья Муромец,
Здынул он этот камень до пояса,
Как больше-то Ильюшенька не мог здынуть.

Как этот старичок тут подхаживал,
А этот-то он камешек покатывал,
А сам он камешку выговаривал:
«А где-то был горючий белый камешек,
А стань-ко тут удалый добрый молодец,
А молодой Михайло Потык сын Иванович.
Подлегчись-то, Михайлушка, легким-легко!»

Взимал-то он да кинул через плечо,
А назади там стал удалый добрый молодец,
Молодой Михайло Потык сын Иванович.

Как тут-то старичок им спрговорит:
«Ай же вы, богатыри русские!
А я-то есть Никола Можайский,
А я вам пособлю за веру-отечество,
А я-то вам есть русским богатырям».
Да столько они видели старичка тут бы.

Как строили оны тут часовенку,
Тому оны Николе Можайскому.
Как тут этот Михайло сын Иванович

А говорит-то им таково слово:
«Ах же мои братица крестовые!
А где-то есть моя молода жена,
А тая-то ведь Марья – лебедь белая?»

Как говорят оны таково слово:

«Твоя-та еще есть молода жена
Замуж пошла за царя за Ивана за Окульева».

Как говорит он им таково слово:
«Поедемте-ко мы, братцы, след с угоною».

Как говорят оны таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
Идти нам за чужой-то женой, ведь за бабою.

Как мы-то за тобой, добрый молодец,
Идем-то мы да след-то с угоною.
Поди-тка ты один, добрый молодец,
А ничего не следуй-ко, не спрашивай,
А отсеки царю ты буйну голову,
Тут возьми ты Марью – лебедь белую».

Как скоро шел Михайло, он Потык тот,
А приходил в землю Сарацинскую;
Идет-то он к палаты ко царский.

Увидла тая Марья – лебедь белая,
Как налила питей она сонных
А тую эту чару зелена вина,

Сама тут говорит таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульев был!
А не отсек Михайле буйной головы,
А он-то нонь, Михайлушка, живой-то стал».
Как тут она подходит близешенько,

А клонится Михайле понизешенько:
«А ты, молодой Михайла Потык сын Иванович!
Силом увез прекрасный царь Иван Окульевич,
Как нунечку ещё было теперечку
Меженный день не может жив-то быть
А без того без красного без солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайло Потык сын Иванович,
А не могу-то я да ведь жива быть,
А жива быть, не могу-то есть, ни пить,
Теперь твои уста были печальные,
А ты-то ведь в великой во кручинушке.
А выпей-ко с тоски ты, со досадушки
А нынечку как чару зелена вина».
Как выпил-то он чару, по другой душа горит,
А другу выпил, еще третью след.
Напился тут Михайлушка допьяна,
Пал он тут на матушку на сыру землю.
Как этая тут Марья – лебедь белая
А говорит-промолвит таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А отсеки Михайле буйну голову».
А говорит-то царь таково слово:
«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая

А бить-то мне-ка сонного, что мертвого,
А лучше пусть проспится, прохмелится,
протверезится,

А буду бить его я ведь войском тым,
А силушкой своей я великою.

Как я его побью, а мне-ка будет тут честь-хвала
По всей орды ещё да селенный».

Как тут-то эта Марья – лебедь белая
Бежала ведь как скоро в кузницу,
Сковала тут она да ведь пять гвоздов,
Взимала она молот три пуда тут,
Хватила тут Михайлу как под пазухи,
Стащила что к стены-то городовые,
Распялила Михайлу она на стену,
Забила ему в ногу да гвоздь она,
А в другую забила другой она,
А в руку-то забила она, в другу так,
А пятой-от гвоздь она оборонила-то.
Как тут она ещё да Михайлушку
Ударила ведь молотом в бело лицо,
Облился-то он кровью тут горючею.

Как ино тут у того прекрасного царя Ивана да Окульева
А была-то сестрица да родная,
А та эта Настасья Окульевна;

Пошла она гулять по городу,
Приходит ко стене к городовой,
А смотрит тут задернута черная завеса:
Завешан тут Михайлушко Потык-он,
Как тут она ведь завесы отдернула,
А смотрит на Михайлушку Потыка.
Как тут он прохмелился, добрый молодец,
Как тут она ему воспроговорит:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Возьмешь ли ты меня за себя замуж?
А я бы-то тебя да избавила
А от тии от смерти безнапрасныи». -
«Да ай же ты, Настасья Окульевна!
А я тебя возьму за себя замуж».
А клал-то он тут заповедь великую.
Как этая Настасья тут Окульевна
Скорым-скоро бежала в кузницу,
Взимала она клещи там железные,
Отдирала от стены городовой
А молода Михайлушку Потыка,
Взимала там она с тюрьмы грешника,
На место да прибила на стену городовую,
Где висел Михайлушка Потык тот,
А утащила тут Михайлушку Потыка

В особой-то покой да в потайныи.
Как взяла она снадобей здоровых,
Скорым-скоро излечила тут Михайлушку.
Сама тут говорит таково слово:
«Ай же ты, Михайло сын Иванов был!
А наб-то тебе латы и кольчуги нунь,
А наб-то тебе сабля-то вострая,
А палица ещё богатырская,
А наб-то тебе да добра коня?» –
«Ай же ты, Настасья Окульевна!
А надо, нужно, мне-ка-ва надо ведь».
Как тут она да скорым-скоро-скорешенько
Приходит да ко родному братцу-то:
«Ай же ты, мой братец родимый,
Прекрасный ты царь Иван Окулевич!
А я-то, красна девушка, нездрава е.
Ночесь мне во сне-виденье казалось ли,
Как дал ты уж мне бы добра коня,
А латы-ты уж мне-ка, кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
аблю да, во-третьих, вострую,
Да здрава-то бы стала красна девушка».
Как он ей давал латы еще да кольчуги-ты,
А палицу ещё богатырскую,

Давает, в-третьиих, саблю-ту вострую,
Давал он ей еще тут добра коня.
Доброго коня богатырского.
Как тут она сокрутилась, обладилась,
Обседлала коня богатырского,
Как отъезжала тут она на чисто поле,
Говорила-то Михайлушке Потыку,
Как говорила там она ему в потай еще:
«Приди-ко ты, Михайло, на чисто поле,
А дам я тебе тут добра коня,
А дам я тебе латы, кольчуги вси,
А палицу еще богатырскую,
А саблю ещё дам я ти вострую».
А отходил Михайло на чисто поле,
А приезжат Настасья-то Окульевна
На тое, на то на чисто поле
А ко тому Михайлушке к Потыку,
А подават скоро ему тут добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырские,
А саблю-ту ещё она вострую
Сокрутился тут Михайлушка богатырем.
Как тут эта Настасья Окульевна,
Бежала-то она назад домой скорым-скоро,

Приходит-то ко родному брату-то:
«Благодарим-те тебя, братец мой родимый!
А дал-то ведь как ты мне добра коня,
А палицу ты мни богатырскую,
А саблю ты мне-ка да вострую,
А съездила я ведь, прогуляласе,
Стала здорова я ведь нунчу, красна девушка».
Сама она подвыстала на печку тут.
Как едет молодой Михайло Потык сын Иванович
Как на тоем на том добром кони.
Увидала тая Марья – лебедь белая,
Как ино ту подъезжат Михайло сын Иванович
Ко тии палате ко царский,
Как говорит-то Марья – лебедь белая:
«Прекрасный ты царь Иван Окулевич!
Сгубила нас сестра твоя родная,
А та-эта Настасья Окулевна!»
Как тут эта Настасья Окулевна,
Скоро она с печки опускалася.
Как тая-эта Марья – лебедь белая
А налила питей опять сонных,
А налила она тут, подходит-то
А ко тому Михайлушке Потыку:
«Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!

Теперь-то нунчу, нунчу теперичку,
Не может-то меженный день а жить-то-быть,
А жить-то-быть без красного без солнышка,
А так я без тебя, а молодой Михайло сын Иванович,
Не могу-то я ведь жива быть,
Ни есть, ни пить, ни жива быть.
Как теперь твои уста нунь печальные,
Печальные уста да кручинные:
А выпей-ко ты чару зелена вина
Со тьи тоски, со досадушки,
А со досады с той со великии».
А просит-то она во слезах его,
А во тых во слезах во великиих.
Как тут-то ведь Михайлушка Потык-он
Занес-то он праву руку за чару-то,
Как тут эта Настасья Окульевна,
А толкнула она его под руку, -
Улетела тая чара далечохонько
Как тут молодой Михайло Потык сын Иванович
Наперед отсек-то Марье буйну голову,
Потом отсек царю да прекрасному Ивану Окульеву.
А только-то ведь им тут славы поют:
А придал-то он им да горькую смерть.
Как скоро взял Настасью Окульевну,

А взял он ведь ю за себя замуж;
Пошли оны во церковь во Божию,
Как приняли оны тут златы венцы.
Придался тут Михайлушко на царство-то,
А стал-то тут Михайлушко царить-то-жить
А лучше-то он старого да лучше прежнего.